

Наивность/невинность

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Bugaga

18+

Bugaga Bugaga

Наивность/невинность

<https://litres.ru/74281182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рушиться, но он остаётся собой. В глазах пустота, но в душе чёрная дыра, вместо сердца бьётся ненависть, в жилах пульсирует месть. Он давно перестал быть мужчиной, не сумев защитить ту, что любил. Его обещания ей о лучшей жизни мелькают в мыслях, распаляя гнев до пожара. Он молод, и мог бы отпустить прошлое, но выбрал поставить на кон всю свою жизнь, чтобы разыграть в этой партии единственную карту мести. Но сможет ли?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	53
Глава 9	57
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Bugaga Bugaga

Наивность/невинность

Глава 1

Май 2011 года был таким же, как и все предыдущие: конец учебного года, когда вся молодёжь и дети сновали по улицам, забыв об обязанностях прилежных учеников. Улицы тонули в их хохоте, пока выпускники тихо радовались взрослению и новой главе в жизни. Взрослые люди не остались в стороне от общего романтического настроения. Это было начало лета, тёплых ночей, поздних посиделок на улице, пьяных разговоров у костра. Никто не смог удержаться от маленькой радости лета.

Именно поэтому в мае 2011 года новость об осуждённой на год принудительного лечения в психиатрической больнице и/или дальнейшее заключение в женской тюрьме не имела большой огласки. Редко кто-то перешёптывался о ней, чаще просто переключали канал или бросали статью недочитанной.

Но в мае 2011 года было обнаружено тело мужчины. Мёртвый мужчина был найден в комнате общежития на узкой кровати. По первым выводам медиков, мужчина умер от потери крови. Это было очевидно по перерезанному горлу.

Однако, в той же комнате была обнаружена девушка, лежащая на полу. В отличие от мужчины, она была жива и невредима.

Девушка строила из себя невменяемую, говоря, что не помнит, как здесь оказалась, почему она раздета и почему мужчина мёртв. Ещё лучше то, что она закатила истерику при виде трупа. Адвокату пришлось настаивать на лечении девушки, ведь та очень сильно старалась и была хорошей актрисой, настолько, что даже судья поверил в её душевную болезнь. На судью, в свою очередь, повлиял психиатр, что с пеной у рта доказывал возможную шизофрению или, что ещё лучше, раздвоение личности.

Даже эта возможная мелочь не привлекла внимания общественности, поэтому решение суда не печаталось в газетах и не транслировалось по телевидению.

Так, в мае 2011 года двадцатичетырёхлетняя Пашкевич Инна Яковлевна была осуждена. Её адвокат, молодой парнишка, всего на два года старше осуждённой, не верил этой актрисе, но всячески это скрывал. Был труп, была обвиняемая в убийстве, но не было никаких улик: ни орудия убийства, ни огромной лужи крови, ни свидетелей, ни мотива. Как молодая, худощавая девушка смогла затащить на четвёртый этаж общежития тело мёртвого мужчины весом в 101 килограмм, при этом остаться незамеченной, будучи голой?

Сколько бы вопросов ни возникало, искать истину никто не станет, потому что в мае 2011 всем хотелось поскорее

разобраться с делами и пойти домой.

Именно поэтому старший следователь Дмитрук немного постоял у окна, вдыхая аромат цветов через открытую форточку. Его глаза бегали от одной юбки к другой, иногда переключаясь на маечку, через которую он видел кружева лифчика. Май - его любимый месяц, вместе с цветами расцветали студентки, спешившие надеть юбку покороче и поуже. Глубоко вздохнул и, счастливый, взялся за дипломат. Но не успел и шагу ступить, как без стука к нему вошёл подполковник, осмотрел стол Дмитрука и скривил лицо.

- Дело Пашкевич уже отдал в архив?

- Конечно. Её уже забрали в больницу, а дело закрыли.

- Скочи козочкой в архив и забирай обратно. Зайцев в меня клешнями вцепился, но ждёт ответы по этому делу.

Запах цветов в носу Дмитрука резко перебился запахом клея, бумаги и чернил.

- Дело - всяк. Зачем копаться, если она уже осуждена?

- Вопросов много, ответов у меня нет, только мягкая просьба от Зайцева. И не смотри на меня так, - подполковник поправил погоны, - у тебя год, пока ей мозги правят, чтобы дать мне подробнейший отчёт по тому, что произошло в этом клоповнике.

- Мне что, в Моисея превратиться, чтобы выудить из этой больной ответы? - Дмитрук краснел от злости, но возразить не мог.

- Да хоть в сербского осла, но ты будешь заниматься Паш-

кевич засучив рукава, с пальцем в заднице и с песенкой в голове, пока Зайцев не станет лояльнее относиться к моему отделу.

Перевод: пока Зайцев не будет доволен моей работой.

- У меня помощник будет? - спросил Дмитрук, когда подполковник уже собрался уходить. В душном кабинете ему было жарко и тяжело.

- Ты расслабься, - поднял руку, - и много не требуй, у нас и без этого рук не хватает.

Дверь закрылась, оставив следователя с тяжким грузом на неудовлетворённом сердце и багровым румянцем на лице. Бросив короткий взгляд за окно, на тропинку, по которой шли три подружки при полном параде, бросил дипломат на стол, сбив подставку с канцелярией, и пошёл возвращать Пашкевич к жизни.

В мае 2011 года Пашкевич Инна, опустив голову, медленно плелась к психиатрической больнице. На руках - наручники, под локоть ее вел мужчина, еще один шел сзади. Оба сопровождали её несколько часов, везя именно в эту больницу, словно она была опасным преступником.

Инна не поднимала глаз на персонал, не отзывалась на вопросы и не реагировала на команды. Со стороны она казалась самым печальным человеком: плечи её словно тянули шею к земле, а ноги цеплялись за каждый выступ, волочась по асфальту.

Чтобы Пашкевич как можно скорее пришла в себя, глав-

ный врач определил её в одиночную палату, лишённую твёрдых и острых углов. Вместо кровати - мягкий матрас, вместо стола и полка - грязный пол.

Для Инны создали все условия, чтобы она могла остаться наедине со своими мыслями.

Глава 2

Психиатрическая больница, окутанная лесом, напоминала летний детский лагерь. Каждое утро, ещё до того, как солнце пробивалось сквозь серые стены, заглядывая в окна сквозь стальные прутья, о своём пробуждении сообщали птицы. Территорию, словно для защиты от мира, опоясывал высокий забор, увенчанный колючей проволокой. На севере и юге - въезды, запертые массивными железными воротами, круглосуточно охраняемые. Территория настолько велика, что сотрудникам пришлось обзавестись велосипедами.

Будний подъём в восемь утра, выходные - в девять. День каждого начинался по одному сценарию: подъём, лекарства, завтрак, личная гигиена, затем - прогулка или время в общей комнате. Кто-то отправлялся на групповую терапию, лишь немногие удостоивались индивидуального лечения. Врачи, будто не сильно заинтересованные в исцелении, не скрывали предвзятого отношения к недугам своих подопечных. Костяк персонала составляли люди бывалые, закалённые, а значит, чёрствые и глухие к чужой боли, особенно когда речь шла о «головах».

После полудня - снова лекарства и обязательный дневной сон, обусловленный конскими дозами успокоительных, выписываемых без явной нужды. После пробуждения - личное время, ужин, затем ещё одна порция медикаментов и два ча-

са до отбоя, растворяющиеся в безвременье.

Все обитатели этой больницы были безработными нахлебниками, полностью на попечении государства, под прикрытием успокоительных и безграничного свободного времени. Если бы не они, то из соседней палаты, возможно, вылупился бы новый Наполеон с планом мирового господства. Но мысли его, точно желе, путались под ударами седативных.

В своём «президентском номере», одиночной палате, Инна Пашкевич проигнорировала подъём, встретив предложенные лекарства полным молчанием и безразличием. Это привлекло внимание главного врача, психиатра, чья заинтересованность в её персоне была, пожалуй, наибольшей.

Он принёс и поставил под окном стул, чтобы удобнее вести записи, и принялся изучать её спину. Инна лежала зухами к стене. Дыхание её было настолько незаметным, что плечи и грудь почти не двигались.

- Здравствуй, Инна, - начал врач. - Знаю, что ты не спишь: слишком частое дыхание. И знаю, что способна на контакт, так что повернись ко мне лицом и поговори, как раньше.

Инна не издала ни звука. Её веки медленно поднимались и опускались, взгляд упирался в стену. Она прекрасно слышала, но сил для ответа не находилось.

- В чём причина твоей апатии? До приезда сюда ты была энергичным человеком... несмотря на те обстоятельства, в которых оказалась.

Раздался шорох. Голова Инны повернулась, открывая вра-

чу её профиль с опухшими глазами.

- Неужели не понятно, - прошептала она, - в чём причина? Доктор, вы сами отыскиали её, сами открыли мне глаза, а теперь ждёте ответов, которых у меня нет.

- Ошибаешься, - врач оживился, но внешне остался спокоен. - Мне не важна правда случившегося, мне важно лишь твоё самочувствие. Ты здесь ради собственного блага.

Что-то среднее между смешком и всхлипом сорвалось с губ Инны.

- Я человека убила, доктор, - с убийственным спокойствием, за которым слышалась горечь, презрение и неверие, произнесла она. - Не для меня всё это, а для безопасности других. Говорите мне правду, прошу вас.

С другим пациентом он бы не стал настаивать на диалоге, но Инна была другим делом. Это девушка мягкая, гибкая, словно пластилин в разогретых руках, ничего, в сущности, примечательного. Но та другая, что ему довелось увидеть, пробудила в нём нешуточный интерес. И он должен сохранять благополучие пациента, чтобы не случилось рецидива, но какой в этом смысл?

- Да, Инна, ты убила человека. И ты должна привыкнуть с этой мыслью, чтобы мы смогли поговорить с настоящим убийцей. Не отворачивайся от меня, слушай. Тебе придётся показать нам убийцу, потому что расследование не закрыто.

- Что?

Инна, взбудораженная новостью, приподнялась на локтях.

Её перепуганные глаза в упор смотрели на врача, не веря его словам.

- Абсолютно никаких улик, которые сделали бы тебя убийцей. Мужчину опознали, но от этого мало толку. Следователям нужны причины и твоя связь с этим убийством. Понимаешь, Инна?

Да, она прекрасно понимала, чего они все от неё хотят. Но стоило этой мысли засиять в её ватной голове, как мелкая дрожь охватила всё тело. Плечи поднялись, голова упала, каждый сустав заныл от неведомой боли.

- Нет, - качнула головой, отчего вновь рухнула на подушку. - Не говорите мне этого. Не нужно. Уходите! Никогда не говорите об этом! Никогда! Пошёл вон отсюда! Убирайся, сволочь! Не трогайте меня! Никто! Господи, прошу, пошёл вон!

Начала тихим шёпотом, похожим на мольбу, а закончила самым настоящим рёвом, срывая горло. Когда дверь закрылась за врачом, в спину всё ещё доносилось:

- Господи, прошу. Оставьте... не говорите... замолчите...

И ещё много всякого бреда, что мешал ему увидеться с девочкой из камеры, которую он встретил ранее.

Проходящий мимо санитар остановился. Уши его навестились, вслушиваясь в крики Инны. Приподняв бровь, он уточнил:

- Успокоительные?

Но вместо покоя пациента, он решил иначе. Размахивая

сморщенным пальцем у себя под носом, сказал:

- Нет. Вообще никаких таблеток ей не давайте, пока не придёт следователь.

- По поводу следователя! - санитар увязался за врачом.
- Мы в библиотеке место для них организовали, но там же столы острые, - и показывает острые углы руками.

- Так поднажми и придумай что-нибудь.

- Я не могу каждый угол в библиотеке обклеить. И карандаши каждый раз прятать не смогу, а она, чего доброго, на следователя кинется и зарежет графитным!

Врач остановился. Сжав переносицу двумя пальцами, зажмурился до цветных пятен перед глазами.

- Повторяю: придумай что-нибудь.

Но санитар попался упрямый, снова поплёлся за ним следом.

- Предлагаю один стол обить и поставить в президентский, с двумя стульями я ещё управлюсь, но не всю же библиотеку...

- План во! - врач почти сбежал, показав класс.

Глава 3

Дмитрук ещё не успел доехать до больницы, как его вывели из себя: шумахеры на дороге подрезали, что-то дребезжало в подвеске и бесконечные звонки от коллег. Он бы залез с головой под чью-нибудь юбку, чтобы укрыться от палящего солнца. И кондиционер в машине, чтоб он провалился, не работал. Рубашка Дмитрука промокла от пота, он чувствовал собственный запах, капли на спине и жуткое трение от ткани на коже. Ещё немного, и он вззоет от невыносимости этого дня.

До встречи с Пашкевич Дмитрук наведалься в церковь. Не в ту, традиционную, а в какую-то новомодную, больше похожую на просочившуюся секту, разве что фимиам не курили. Называли себя протестантами, но Дмитрук окрестил их «Европейскими сучками».

Проповедник, именно так звался их заводила и начальник, встретил Дмитрука с улыбкой. Этот человек был воплощением благочестия, настолько, что даже не жаловался на палящее солнце, спокойно выдерживая его зной.

- Мне говорили, что у вас есть вопросы к нам, - начал проповедник, вытирая руки от грязи. - Правда, я не знаю, что смогу вам ответить.

Этот чистый человек ковырялся в клумбе, когда пришёл Дмитрук.

- Да всего пара вопросов, это чисто моя инициатива

Несмотря на общее настроение, следователь хорошо справлялся с раздражением и легко притворялся милым парнем.

- Вот как. Тогда спрашивайте... Может, воды?

- Да, - кивнул Дмитрук, - и лучше пойдёмте в тень.

В беседе за церковью, проповедник, которого звали Иван, снял кепку и принёс следователю стакан прохладной воды. Дмитрук же достал папку с делом Пашкевич и ее фотографии. Придвинув снимок проповеднику, он взялся за стакан.

- Знаете её?

- Конечно, - Иван вытер вымытые руки насухо и пальцами пододвинул фото. - Пашкевич Инна... Как она?

«Загорает на закрытом курорте», - подумал Дмитрук, но ответил:

- Не хочу врать, что с ней всё в порядке. Как хорошо вы её знали?

Иван сложил руки на столе, аккуратно подогнув ноги под столом под прямым углом. С виду он напоминал прилежного ученика лет пятидесяти.

- В этой церкви я служу больше десяти лет, и всё это время Инна была нашей прихожанкой. Эта девочка выросла на моих глазах, поэтому поверить в случившееся мне тяжело.

Дмитрук гонял воротник рубашки, спасаясь от жары, но ещё большую духоту нагонял тон проповедника.

- Понимаю. Близким всегда трудно смириться с мыслью, что они знали человека не так хорошо, как им казалось.

- Именно так. Но знаете, я не так хорошо знал Инну, чтобы мог рассказать вам что-то стоящее о ней. Всё же церковь большая, и прихожан очень много. К своему стыду, я мало обращал на неё внимания...

- Насколько большая? - перебил Дмитрук, лишь бы не слушивать лирику.

В ответ он ожидал услышать сотню или две, но никак не:

- Больше тысячи. Инна начала ходить в церковь ещё в детстве, вместе с родителями. У неё была очень религиозная семья. Но они не показывались на виду: пришли на службу и ушли, даже не поддерживали связь с другими прихожанами.

«Только зря приехал», - вертелось в голове Дмитрука.

- А может, с ней приходили друзья или она кого-нибудь приводила?

- Кто, Инна? - удивился проповедник. - Она сама не на каждую службу приходила, особенно после смерти родителей. Вспоминала о Господе лишь, когда было худо. Я не пытаюсь сказать, что она плохой человек, просто очень молода, поэтому была чрезмерно эгоистична. Такое случается с молодыми: они уходят из церкви, но чаще возвращаются, уже в сознательном возрасте.

- Неужели за всё время она никак не отметилась у вас?

- Ну почему же. В подростковом возрасте она бегала с другими ребятами за церковь во время службы, чтобы покурить.

Забавные такие были, курили прямо в беседке. Я, конечно, злился, но смирился настолько, что поставил банку для бычков, - и показал на консервную банку в углу беседки, наполовину заполненную окурками.

- Кроме курения, в ней было что-то подозрительное?

Проповедник приподнял брови.

- Подозрительное - это какое?

- Инна признана судебной комиссией невменяемой, проще говоря, больной на голову. В её поведении было что-нибудь странное?

Иван задумался. Он вертел в руках кепку, уперев пустой взгляд в землю. Его морщинистые руки даже Дмитрука за-гипнотизировали, в особенности грязь под ногтями.

- Временами, очень редко, Инна... Как бы сказать вам.

- Говорите как есть.

- Она была сама на себя не похожа. Инна - спокойная девушка, но всегда любила поговорить. Но иногда она просто смотрела на человека своими глазами так, будто видит кусок мяса, понимаете? Ни слова не скажет, но будет смотреть,ковыряться пальцами во рту, улыбаться так, будто готова со-жрать здесь и сейчас. Я не знаю, как вам объяснить, но это действительно было так. Она многих пугала своими перемена-ми, но, повторяюсь, она выросла в этой церкви, и мы при-выкли к ней.

Криво и косо, но проповедник описал именно ту особу, которую сочли второй личностью Пашкевич: молчаливая,

глупая и вечно смеющаяся.

- Что ж, - Дмитрук встал, спрятав фото в дипломат, - мне этого хватит. Спасибо за уделённое время.

- Не стоит, - качнул головой Иван, - всё равно я не сказал вам ничего ценного.

- Я так не думаю.

Именно так считал Дмитрук, но сказать этого не мог.

На парковке он ещё раз осмотрел церковь, с виду ничем не приметную, и пробормотал:

- Больше тысячи полоумных.

(РАНЕЕ)

- Ты хоть понимаешь, о чём просишь меня? - возмущению проповедника не было предела.

- Я так чётко понимаю свою просьбу, что не понимаю, что именно вам не ясно.

- Я не буду врать!

Мужчина, что пришёл в церковь ночью, именно тогда, когда Иван остался один, чтобы подготовить всё к завтрашнему субботнему служению. Праведника возмущала не только просьба этого щенка, но и то, что прихожанин его церкви осмелился сотворить нечто подобное.

- А где же здесь ложь? - усмехнулся прямо в лицо проповедника. - Никто не узнает, в чём именно проблема, а мой язык может распутиться и создать проблемы вам, пропо-

ведник.

Последнее слово произнёс с таким оскалом и пренебрежением, что душу Ивана закоробило. И всё же он сдавался: его пугал этот щенок, особенно глаза, в которых была железобетонная уверенность во всём, что он говорит. И двигался он не как прежде, он был уверен, словно дьявол во плоти.

- Просто, - ещё раз ткнул в лицо проповедника фотографию девушки, - это Пашкевич Инна Яковлевна. Поэтому настоятельно прошу повторить мои слова в нужный момент.

Иван бегал глазами от фото к парню и обратно.

- Мне казалось, что ты веришь в Господа и дела его, - про-
бормотал проповедник.

Спрятав фотографию в нагрудном кармане, он с лёгкостью произнёс:

- Надеюсь, Господь тоже верит в меня.

Глава 4

Путь Дмитрука к Пашкевич на этом не закончился. У ворот психбольницы его ждал сторож. Тот с ходу брякнул:

- Не положено.

Не положено что? Наконец добраться до этой плаксивой суки?

- Хорошо, - со смешком, на нервном выдохе, поднял руки Дмитрук. - Я подожду, пока вы свяжетесь с главным врачом, чтобы он дал вам право пропустить следователя по делу этой... девушки.

Сторож поджал губы, прекрасно поняв секундную паузу и переведя её в прекрасный русский мат.

- Не суетите, - с убийственным спокойствием порекомендовал Дмитруку.

У следователя руки зудели, а ноги сводило судорогой - так сильно хотелось притянуть эту старую рожу к забору и выбить последние зубы.

Сторож не торопился. Он спокойно набрал номер главного врача, поправляя очки для концентрации. А птицы в верхушке леса заливались. Дмитрук стоял на небольшом пятачке, куда не падала тень, и обливался нервным потом.

- Да, уже приехал, - сказал сторож в трубку. - Добро, Павел Сергеевич.

Не торопясь, он поднялся, вышел из домика со связкой

ключей и открыл ворота.

- Документики, будьте любезны. Записать вас нужно в журнальчик.

Больше минуты он выводил имя Дмитрука в журнале посещений, продолжая бороться с очками.

- Вы бы поменяли... оправу, - посоветовал следователь хриплым голосом, когда от нервов осталась лишь натянутая тетива.

- Разберусь, - кивнул сторож. - Вам вон в то крыло, там вас будет ждать санитар. После подойдёт и Павел Сергеевич, когда вы закончите с девушкой.

Забрав удостоверение, Дмитрук нарочито медленно шёл к главному корпусу, чтобы никто не смог заметить его нервозности. Дмитрук, по своей натуре, человек вспыльчивый и быстро заводился, однако с годами научился сдерживать себя. По крайней мере, он был в этом уверен.

На улице ни души - все спрятались от солнца. Даже больные не бродили по территории, как мог себе представить Дмитрук. У главного входа стоял молодой парень и курил прямо под табличкой «Курение запрещено». В мешковатом белом халате и силиконовых перчатках на руках, он расслабленно оперся на стену плечом и пристально смотрел на приближающего Дмитрука. Рука с сигаретой всё медленнее подносилась ко рту, глаза становились стеклянные, а губы расплылись в улыбке.

- Следователь? - спросил парень Дмитрука, а после сам же

ответил: - Конечно, следовательно. Наши постояльцы дипломаты не носят.

Дмитрук усмехнулся этому замечанию, отмечая про себя, что это единственный адекватный человек за весь день. Несмотря на то, что парень, по всем признакам, урод. Уродливость его особенно проявлялась в улыбке: кривые зубы с непонятным прикусом.

- Я Андрей, - протянул руку в перчатке для рукопожатия.

- Дмитрук... - начал следовательно, а закончил: - Дмитрий.

- Что ж, - сделав последнюю затяжку, Андрей выбросил окурок в клумбу. - Добро пожаловать, Дима.

Разозлила ли Дмитрука фамильярность? Чертовски, но виду мастерски не подал.

- Как Пашкевич?

Наконец-то он смог задать этот вопрос, полный уверенности, что получит ответ.

- Для больной она хорошо держится. Понимаете, о чём я? Когда в себе девчонка, то только и делает, что ноет, ревет и молится, просит прощения у Господа, - со смешком тычет пальцем в потолок. - Но стоит девочке слегка того... Как сразу начинается мышьяная подковёрная возня. Она вроде убийца? Не сказал бы, что убийца. Извращенка, нимфоманка, тупая - это да, но на убийцу не тянет. В отличие от парня по соседству.

Андрей показал на соседнюю палату и тут же продемонстрировал взрыв котелка.

- Нимфоманка? - переспросил Дмитрук.

- Ну да, - пожал плечами. - Ты же видел её?

- Да, я видел набожную дуру и сосущую пальцы бабу.

- Так точно. Но стоило этой девахе, второй которая, слегка пообвыкнуть в президентском номере, как начала вытворять дикие вещички... Я вам не объясню, слов не хватит. У Мухина спросите после, но, если вам повезёт, сами всё увидите. Оно того стоит.

Открыв перед Дмитруком дверь палаты, он махнул рукой вовнутрь. С кивком следователь прошёл внутрь.

Пашкевич сидела за столом, опустив глаза на сплетённые на столе пальцы. Как только дверь за следователем захлопнулась, она вздрогнула и подняла голову, встретив его жалким взглядом затравленного зверька. Карие глаза следили за приближением Дмитрука, пока он рассматривал палату. Убогое местечко. Ему снова захотелось взвыть. И, по всей видимости, это читалось на лице.

- Изначально, - тихо говорит Пашкевич, - хотели, чтобы вы допрашивали меня в библиотеке. Но они мне не доверяют, думают, я убьюсь о полку или забью вас толстым корешком книги до смерти. Поэтому вы здесь.

«Удивительная перемена, - подумал Дмитрук, - связала больше десяти слов в осмысленном предложении. Больничка делает успехи».

- Для меня и это сойдёт, - врёт Дмитрук. - Расскажи, Инна, как ты здесь?

Пальцы переплелись до побеления, а глаза гуляли по комнате, пока он доставал бумагу и ручку.

- У меня много свободного времени, - признаётся Пашкевич, - настолько, что я могла бы вспомнить и рассказать вам, что произошло в той комнате.

Сердце пропустило удар от радости, а рука с ручкой опустилась на чистый лист.

- И что же ты вспомнила?

Всхлип, а после лицо прячет в руках, растирая глаза до красноты.

- Могла бы, - рвано шепчет Инна. - Я стараюсь... Правда, стараюсь, Дмитрий Александрович, очень стараюсь. Но в голове пусто, и я... Боже...

- Тише, - успокаивает разочарованный Дмитрук. - У нас ещё есть время. Это не последняя наша встреча, поэтому будет проще, если ты спокойно будешь лечиться. У нас ещё год впереди.

Последнее разочаровывало следователя, но он не мог говорить такие вещи прямо в лицо. Он хороший следователь и прекрасный мужчина, поэтому даст время девушке, даже если хочет наступить ей на одну ногу, а за другую потянуть. Да, местами ему хотелось её разорвать к чертям собачьим. Но он этого не скажет.

- Спасибо, - шепчет Инна, не убирая руки от лица. - Спасибо вам. Мухин с вами не согласился бы, но мне здесь нужно разнообразие.

Попытки шутить делали её ещё более жалкой. Но он внимательно следил за Инной, за её дрожащими руками и коло-
тающейся веной на шее. Да, её волнение читалось очень яв-
ственно, как и то, что он видел торчащие соски девушки под
хлопчатобумажной пепельно-синей пижаме. Последнему он
уделил особенное внимание.

Дмитрук старался тяжело не вздыхать, чтобы не выдавать
своей досады.

- Я понимаю, что путь к восстановлению очень длинный и
трудный. Просто не сдавайтесь. Мы будем работать вместе.
Главный врач - очень хороший специалист, я уверен, он по-
может вам справиться с этим.

Разумеется, нихрена, он не считал Мухина хорошим вра-
чом и точно не верил в болезнь Пашкевич, но время стоило
этих слов.

- Так вы мне верите?

- Инна, - чуть наклоняется к ней, чтобы слова имели вес.

- Я верю фактам. В отношении вас у меня нет ничего, что
смог бы использовать для закрытия дела.

Глаза Инны прояснились, сухие губы молча двигались, по-
ка она бегала глазами по лицу Дмитрука.

- Хотите сказать, что поэтому дело не закрыли? То есть,
вы на моей стороне?

- Повторюсь, я не могу сдать дело в архив, не имея отве-
тов. Это дело принципа, Инна, поэтому не стоит смотреть на
меня так, не ждите от меня слишком многого.

- Что? - глупо переспросила Пашкевич и оживилась на стуле. - Нет-нет, у меня нет иллюзий по поводу своего будущего, просто... Спасибо вам, Дмитрий Александрович.

Откинувшись на спинку стула, он продолжал следить за руками Пашкевич, не забывая про грудь. Её взгляд, полный неподдельного восхищения, нравился Дмитруку.

О да, он чувствовал себя значимой персоной.

- Я сегодня разговаривал с вашим проповедником, - на этих словах Инна мгновенно потухла.

- Он разочарован во мне? Господи, почему я спрашиваю об этом? - опустила голову, вновь сжав руки. - Я считай выросла на его глазах, а тут вся община узнала, что я неменяемая и убийца.

- Не стоит так говорить, он тепло о вас отзывался. Хотя и вспомнил, как вы бегали курить во время службы.

Вымученная улыбка тронула губы девушки.

- Да, в этом я признаюсь вам. Виновна в подростковом курении.

Нет, эта больничка сделала чудеса, если она всё увереннее пытается шутить.

- Но самое главное, он слегка подтвердил ваш диагноз. Теперь я могу на йоту поверить вам.

Инна покачала головой. Звук сглатывания стоял в ушах Дмитрука, когда она пыталась проглотить ком в горле, но слёзы всё равно заблестели на её глазах.

- Вы больше похожи на моего психолога, - дрожащим го-

лосом проговорила Инна. - Здесь, чтоб вы знали, они не занимаются лечением души.

Плечи девушки затряслись, а голова повисла, когда она тихо и, точно не впервые за сегодня, ревела. Но Дмитрук молчал, не мог оторвать глаз от трясущейся груди под пижамой.

Глава 5

В кабинете Мухина Павла Сергеевича, главного врача психбольницы, пыль волнами плавала в солнечном свете. Его кабинет, обычно сумрачный днём, к вечеру наполнялся лучами заходящего солнца, проникающими сквозь окно и выявляющими росчерки пыли на шкафах, папках и старом вазоне.

- Поздно вы пришли, - произнёс Павел Сергеевич, - пропустили встречу с нашей второй Пашкевич.

Главврач вскипятил воду в выдавшем виды, обмотанном изолентой чайнике. Из ящика стола он извлёк один из сотни пакетиков растворимого кофе «3 в 1» и наполовину залил его кипятком, чтобы долить холодной водой.

- Не везёт мне на встречи с ней, - отозвался Дмитрук, наблюдая за перемещениями Павла Сергеевича по кабинету.

Скрипучий стул под ним заставил следователя сидеть неподвижно, даже дышать глубоко лишний раз опасаясь. Врач же уселся за стол, на такой же издающий звуки стул, отодвинул фотографию жены с дочкой, дабы случайно не опрокинуть на неё кофе, и сделал глоток.

- Дрянь какая, - скривился он, сделав ещё один. - Если вам так интересно с ней снова встретиться, то оставьте свой номер, позвоню.

- Вам удалось что-нибудь узнать у неё?

- Про убийство? - переспросил врач, снова размешав кофе карандашом. - Даже не думал об этом. Мы пытаемся понять, как с ней можно поговорить. Писать она отказывается, поэтому пробуем, как в детском саду, по картинкам.

Дмитрук от его слов выпрямился на стуле.

- Что сказали? Самое главное, выяснить, как она убила того парня.

- Стоп! - Павел Сергеевич поднял палец к носу. - Не доказали вы ещё её причастность к убийству. К тому же, мне абсолютно наплевать, убивала она его или нет.

Дмитрук хмыкнул, выдыхая со смешком скопившееся напряжение в районе плеч.

- Она сюда отправлена для выяснения обстоятельств убийства. Вы препятствуете расследованию?

Главврач задумался, поправил очки на носу. Ещё раз задумался, поджав губы. Спустя около минуты он все же снял очки, осторожно положив их на стол.

- Ничего подобного, - изрёк он, постукивая по столу. - Пашкевич сюда направлена для лечения и подтверждения её расстройства. Но нигде не говорилось, что я, как и весь персонал, должны участвовать и, тем более, помогать вам в расследовании. Но вы не подумайте, что я иду наперекор закону. Наоборот, если она сознается в убийстве или окажется вменяемой, вы будете первым, кто об этом узнает.

Старый хрен сумел вызвать в следователе бурю эмоций, но ни одна из них не была положительной. Словно запихну-

ли в рот полную ложку соли и закусил такой же ложкой с сахаром. Руки Дмитрука, не сжимаясь, стиснулись будто от судороги, когда он впился ими в бедра.

Этот приступ ярости продлился лишь мгновение. Дмитрук снова взял себя в руки, усмехнулся, закинув ногу на ногу.

- Тогда и на этом вам - спасибо. И что же тогда вы пытаетесь из неё достать?

- Ну как же, все по стандарту: узнать возраст и пол второй личности, если повезёт, то и имя. Но у нас есть прогресс: сама Пашкевич чуть успокоилась, не плачет при каждом упоминании слова «убийство» и идёт на лечение добровольно. А, кстати! Вторая личность обладает удивительной адаптацией. Уже при втором своём появлении всем улыбалась, выучила территорию больницы и расписание. Плохо, конечно, что не следует расписанию, но что поделать.

Дмитрук внимательно слушал врача с лёгкой улыбкой. Так улыбаются глупому человеку, которого умиляет его тупость.

- Павел Сергеевич, вы действительно верите в раздвоение личности?

Отпив ещё от кофе, врач вертел чашку в руках.

- Я верю, что бывают обстоятельства и причины, по которым люди попадают сюда. Именно поэтому я здесь, Дмитрий Александрович.

За спиной врача сияло солнце. Дмитруку из-за этого не

было видно его лица, лишь пыль, танцующую вокруг него.

- Вы о том, что нужно родиться больным, чтобы быть больным?

Врач поставил чашку на стол и подпёр подбородок кулаком. Дмитруку не было видно, как остекленели его глаза, будто Павел Сергеевич нырнул куда-то с головой, и мысли его утекли в том же направлении.

- Десять лет назад, когда я ещё работал в областной больнице, ночью к нам доставили одну парочку. Ну, как сказать, не то чтобы парочку, скорее почти трупы. Им обоим было не больше пятнадцати... Так вот, девушка, нет, девочка, была изнасилована и истекала кровью, а парнишка с дыркой в боку, вцепившись в неё, никак не мог отпустить. Представляете?

Разумеется, Дмитрук не представлял, зачем ему вдруг стали рассказывать эту историю.

- Допустим.

- Парнишка так рыдал и кричал, что у матёрых врачей сердце сжималось, и рука не поднималась его оттащить. Все держал её и держал. А девушка была спокойна, даже не плакала, но... - врач поднял руку и положил себе на макушку, - вот так гладила парня по голове.

Павел Сергеевич снова подпёр подбородок и замолчал.

Не то чтобы Дмитруку было интересно, но все же он поинтересовался:

- И что с ними стало?

- Что? А-а-а... - врач снова вернулся в реальность. - Они умерли той же ночью. Никто так и не узнал, кто изнасиловал девушку и кто ранил парня. Да...

Дмитрук помолчал, пытаясь переварить услышанное. Он пришёл сюда с совершенно другими вопросами, с желанием получить ответы, а вместо этого ему рассказали душераздирающую историю о двух подростках, чья жизнь оборвалась слишком рано. И все же он не понимал: нахрена ему это знать?!

- Вы это к чему, Павел Сергеевич? - хотелось проорать, но следователь владел собой, как ниндзя нунчаками.

- Вы действительно думаете, что если бы эта парочка не умерла, они бы остались в своём уме? Вам приходилось бывать в безвыходной ситуации? А вот каждому сумасшедшему пришлось там побывать, и их разум нашёл решение. Я не лезу в ваше расследование и точно не ставлю под сомнение вашу работу, поэтому поверьте мне здесь и сейчас: Пашкевич больна... А сейчас мне нужно идти работать. До встречи, Дмитрий Александрович.

«Быстро же он меня послал», - подумал Дмитрук, поднимаясь.

- Я хочу поговорить с Пашкевич.

- Не сегодня! - врач засобирался. - Она устала и точно ещё не пришла в себя. В другой раз.

- Я, по-вашему, зря сюда ехал?

- Такое бывает! - на ходу бросил Павел Сергеевич, закры-

вая дверь кабинета на ключ и без слов удаляясь в другую сторону коридора.

- Блядь, - выдохнул следователь.

Он чувствовал себя жалким, прямо как шлюха за доллар, поэтому решил наплевать на слова врача и направился к Пашкевич.

По узкой тропинке обошёл здание и пошёл к главному корпусу, в котором обитала больная. Сегодняшний день не был таким душным, как предыдущие: ветерок спасал от духоты. Среди шума деревьев Дмитруку слышался стук. Пашкевич стучала ему из окна своей палаты, но мимолетного взгляда хватило, чтобы понять: это не она.

Широкая улыбка, счастливый взгляд, полный наивности и непосредственности, устремился на Дмитрука, а небольшая ладонь девушки активно махала ему. Следователь застыл на месте, вдруг крепко сжав ручку дипломата. Она не такая, какой он запомнил её в последний раз, тогда она затравленно прятала глаза и грызла пальцы, ковыряясь ногтями между зубов.

Мгновение и Пашкевич скрылась внутри палаты, а Дмитрук тяжело сглотнул. Так и не понял, что именно вызвало такую реакцию, но заставил себя сделать шаг, потом ещё один. Тропинка вела его к главному корпусу, там находилась настоящая Пашкевич, та, которая была ему нужна.

У входа курил санитар. Его, вроде, звали Андрей, точно Дмитрук не вспомнил.

- Снова привет, - санитар поднял руку к лицу и слегка махнул. - Тебя проводить к Инне?

Именно к ней он и собирался, наплевав на слова врача. Но широкая улыбка и, наверное, глаза... Да, именно их яркость почему-то вызвала эту заминку.

Дмитрук смотрел на санитаря, рука на дипломате вспотела и скрипела от хватки. Парень не торопил следователя с ответом, только курил медленнее, вслушиваясь в звук тлеющей на конце сигареты, когда делал длинные, глубокие затяжки.

- Там... именно она?

Вопрос получился робким и нерешительным, будто просил у парня взаймы.

Санитар, покачал головой. Окурок вновь шлёпнулся в клумбу, и их молчание продолжилось.

- Ну что? - спросил санитар.

Вопреки твёрдой мысли пойти к ней, не дать поездке пропасть впустую, Дмитрук шагнул назад.

- Завтра, - едва выдавил он.

Санитар мгновенно потерял интерес и растворился в глубине корпуса. Оцепенение не отпускало даже в участке. Руки-ноги двигались на автопилоте, он и не заметил, как оказался в городе. Очнулся в крошечнейшей тишине кабинета, один.

- Проняло же тебя, - прошептал он, растирая лицо до белых пятен перед глазами.

Дипломат полетел на соседний стол. Дмитрук погрузился в ворох бумаг, в этот бесконечный, вечно растущий стог, в надежде найти хоть какую-то зацепку, кроме самой Пашкевич. Хотя что-то, что могло бы доказать её вину и, главное, засвидетельствовать её ложь.

Но жизнь этой больной была настолько жалкой, что не имелось ни друзей, ни близких, ни родственников. Родители погибли, оставив лишь церковь и пустоту. Дмитрук ощущал себя так же - пустая голова.

Он не считал себя хорошим следователем, но таковым был. Не всегда честным, и уж точно не всегда справедливым, но добивался успеха. А теперь ощутил то, что называют кризисом. Мысли возвращались к лицу Пашкевич, к её улыбке, к её руке. В эти моменты он застывал, охваченный внутренним волнением, приятным до порхания бабочек в животе.

К десяти вечера он покинул участок и уселся в свой «Мерседес». Гордился этой машиной больше, чем собой: 1991 года, S-класс, 4.2 литра, задний привод, салон из бежевой кожи с чёрными вставками, на панели вставки из натурального дерева. В ней он чувствовал себя другим человеком, лучше, чем мог представить.

По привычке поехал через набережную, где в это время прогуливалось немало молодёжи. Особенно девушек, часто навеселе, готовых на многое. Увидев его чёрный «Мерседес», они с радостью запрыгивали на пассажирское сиденье.

Сегодня настроение было странным, поэтому он даже не

стал выходить, чтобы построить глазки студенткам. Выловил взглядом невысокую девушку с русыми волосами, в коротких шортах, на стройных ножках. Даже лица не видел, когда притормозил рядом.

Тонкая сигарета меж пальцев и гневный взгляд, когда Дмитрук опустил стекло и поманил её в машину.

- Да пошёл ты! - выдохнула она вместе с дымом.

Но не уходила. Тогда он достал несколько купюр и пома- хал.

- Пошёл нахуй! - выкрикнула она, бросив сигарету в машину. - Я не шлюха!

Когда она повернулась к нему задницей и сделала шаг в сторону, Дмитрук крикнул:

- Стой!

Девушка остановилась, обернулась. Теперь перед её глазами маячило вдвое больше купюр. Она знала, что должна снова послать ублюдка и уйти, но также понимала: денег нет даже на сигареты.

Подойдя к машине, она наклонилась.

- Я не буду с тобой трахаться, - голос звучал твердо. Она верила своим словам, так же, как Дмитруку было плевать на них.

- Мне же лучше, - улыбнулся следователь голубоглазой красотке.

Пожевав нижнюю губу в глубокой задумчивости, она выхватила купюры. Прежде чем спрятать их в карман, сказала:

- Я не такая, понял? Обстоятельства.

- Я и не называл тебя такой, - Дмитрук пожал плечами и, потянувшись, открыл дверь.

На парковке у жилых домов голубоглазая красotka сосала Дмитруку не самым исправным образом. Пришлось схватить за пышную шевелюру и надавить, чтобы брала глубже.

Дмитрук слышал, как она подавилась, чувствовал, как она толкается руками в бока, пытаясь вдохнуть. Дмитрук надавил сильнее, прохрипев:

- Дыши носом, сука.

В машине раздавалось частое дыхание Дмитрука и звуки девушки, что задыхалась и давилась. Запрокинув голову назад, он сменил руку на голове и заполз под майку, чтобы сжать грудь. Напряжение в позвоночнике стало слаще, а дыхание громче.

Когда он напрягся в последний раз, девушка подавилась, закашлялась, а Дмитрук расслабился. Русоволосая тут же оттолкнулась и села, вытирая слезы, сопли и слюни, стёкшиеся по подбородку. Опухшими глазами, полными ненависти, она посмотрела на мужчину, ударила его по лицу и выпрыгнула из машины. Сбежала, на ходу поправляя одежду и проклиная себя. Она плакала вновь, но уже по другой причине. На подгибающихся ногах добежала до урны и выбросила деньги.

Как бы ей ни было противно от их вида, спустя минуту вернулась, забрав каждую купюру.

Дмитрук еще посидел в машине. С приятной пустотой в голове, в полумраке, он смотрел на своё отражение в стекле. Ни одна мысль не промелькнула, когда он заправил брюки, взял дипломат и вышел. Дмитрук жил в одном из подъездов этого дома.

Прошла минута, вторая... Свет в машине уже погас, когда он вернулся.

- Блядь, - прошептал, вытаскивая из бардачка обручальное кольцо.

Глава 6

НАЧАЛО 1990-Х

К длинной улице Чернышевского прибилося много переулков. На одном из них, а именно на 3-м Линейном, в небольшом деревянном бараке жило две семьи: Михеевы и Громы. В каждой по одному ребёнку пяти лет: у Михеевых прекрасная девочка Яна, у Громыных смышлёный парнишка Артём.

Так получилось, что эти дети выросли в небольшом дворе своего барака и ели с одной тарелки одной ложкой. Каждый вечер, не важно, зима или лето, они сидели на лавочке, что вплотную стояла к дому, и занимались своими детскими делами. Им было так весело, что они часто засиживались допоздна и спали там же до самого рассвета.

В этот вечер они были втроем: Яна, Артём и щенок по кличке Муха. Такая кличка была дана в надежде завести второго щенка и назвать его Бляха.

- Мама убьёт тебя, - говорит Яна, когда они вместе гладили щенка.

- Я знаю, - кивнул Артём, шевеля ногами на весу, - но она не скоро заметит пропажу.

- А когда заметит, убьёт.

- Знаю. Зато сейчас, как новые, - поднимает ноги, - и почти не жмут. Только когда пальцы выпрямляю.

Яна вздыхает, разглядывая обувь Артёма, где дырки от пальцев были зашиты куском джинсовой ткани.

- Я боюсь трогать нитки, в прошлый раз рук не чувствовала.

Артём улыбнулся, перетащив щенка к себе на коленки.

Обсуждение дырявой обуви доставляло им удовольствие, такое же, как орудовать иглой и ниткой. Они слышали вдали, за забором, шум окраины города, но здесь они были одни и точно знали, что это время - это их время. Счастливые и беззаботные достали из печи картошку и сейчас чистили, перебрасывая из руки в руку. Не забывали про Муху, что вилась у их ног и гоняла по земле слишком горячие кусочки картошки.

- Не чеши. - напомнил Артём, когда Яна, по дурной привычке, снова расковыряла корку на ране. - Ну я же говорил! Оближи и на, заклей.

- А что делать? Она чешется.

- Не так, как моя голова. Смотри, - Артём наклоняет голову и чешет макушку, - снегопад.

Яна повторила трюк, и теперь они оба хохотали, осыпая Муху перхотью.

Мама Артёма не выходила из дома без необходимости, родители Яны спали, приняв несколько рюмок от бессонницы. Солнце ещё не зашло, но уже знатно потемнело, но они продолжали сидеть, обсуждая всё: от слишком зелёной травы до тараканов в голове, от которых так чесалась голова.

Яна грелась в отцовской куртке, подобрав под себя ноги. Артём зевал громко и широко открыв рот.

- От тебя воняет, - кривится Яна, когда Артём зевнул в её сторону, - от зуба, наверное.

- Ага, - ковыряется пальцем во рту, надавливая на чёрное подобие зуба, - но он уже не болит, поэтому пофиг.

Достав изо рта палец с кровью, тут же показал его Яне, но та не собиралась отставать и сама раскрыла рот пошире.

- У меня такой же.

- Нет, это молочный. Этот выпадет и вырастет новый.

- У тебя же не выпал.

- А я особенный.

- А я нет?

Артём задумался, языком гоняя по рту кусочек зуба, который отковырял пальцем.

- Да. Не смотри так, я не виноват.

Может, Артём был прав, но менее обидно от этого Яне не становилось.

Оба заткнулись и застыли на месте, забыв трясти ногами под лавкой. Как мыши вслушивались: скрип калитки, тяжёлые шаги, в которых слышалась кульгавость на правую ногу.

Даже головы не подняли, когда из-за угла вышел отец Артёма. Только Муха вскочила на лапы и, имея размер буханки хлеба, стала тявкать на него.

- Почему не дома? - низким голосом с хрипlostью туберкулёзника спросил, кивнул на дверь.

- Мама сказала на улице сидеть, - признался Артём.

- Опять хуйни натворил? Блядь, - рука уже поднялась, а шаг был сделан в сторону застывшего Артёма, но запнулся о щенка. - Блядь! Чтоб я его не видел, и своей рожи в дом не суй!

Отец ушёл, но Артём и Яна остались. Оба смотрели в сторону забора, что отделял огород от дома. Муха, отфутболенный здоровым ботинком, не двигался. Рот и глаза остались открытыми, только одна лапа завёрнута под себя.

Имея один мозг на двоих, молча поднялись, подошли и присели на корточки, глядя, как быстро вздымается и опускается грудь Мухи. По языку щенка текла тонкая струйка крови, и больше не вертел головой, когда Яна взяла его за кончик хвоста.

Артём посмотрел на Яну. Та уже шмыгала носом и тёрла глаза. На улице холодало, поэтому было принято решение, что пока щенок тёплый, он должен оставаться в тепле. Теперь Яна вместе со щенком грелась в отцовской куртке.

- Не ной, - дрожащим голосом приказывает Артём.

У самого уже сопли пузырились под носом, но слёзы сдерживал. Только челюсть ныла.

- Я хочу ныть, - отвечает Яна, - он уже не тёплый...

Прижатый к Яне щенок окоченел, а вместе с ним и детская надежда, что он волшебным образом оживёт. И всё станет, как несколько минут назад.

Лопаты не нашли (на самом деле её даже не было в хозяй-

стве, только заросший огород в распоряжении). Муха был завёрнут в пакет, руками вырыта яма, и с предельной осторожностью две пары рук опустили щенка не в самую глубокую яму.

- Ты же не хотел нять.

Хорошее замечание, но Артём грязными руками утирал слёзы с лица и не беспокоился, что ноет, как девочка.

Они не торопились закапывать щенка. В ожидании чуда.

Глава 7

Нет, Лида, иди на хуй! - Дмитрук замер у входа в главный корпус. Его нос вырос от любопытства.

- Какая муха тебя укусила? - раздался женский голосок из-за угла.

- А ты у меня вот тут сидишь со своим хахалем! Каждый день, каждый раз, когда иду проветрить мозги, приходишь со своим блятским ментолом и заливаешь мне, какой хреной муж: деньги просрал, дети от голода пухнут, а у тебя каждый всратый день новая сумка! Нет, Лида, завали и иди нахуй!

- Я просто поговорить хочу!

Из-за угла вышел Андрей, злющий, как стая голодных кошек.

- Ты меня заебала! - он ткнул пальцем в Лиду и снова выбросил окурок в клумбу. - О, следовательно! Давно не виделись.

Дмитрук, улыбка которого растянулась до ушей, кивнул в сторону угла.

- Ага. Не скучаешь.

Но санитар не был настроен на душевные беседы. Вышла женщина лет сорока. Именно она изливала душу Андрею, а тот, как оказалось, не самый чуткий человек.

- Здравствуйте, - женщина кивнула Дмитруку и быстро прошмыгнула мимо, постоянно оборачиваясь на санитаря.

В ее глазах Дмитрук, помимо злобы, заметил огромную обиду.

- Вот здесь уже... - Андрей ребром ладони ударил по горлу, отчего подавился и закашлялся, чтобы просипеть: - Задолбала она меня.

Дмитрук кивнул, провожая женщину взглядом. Когда он снова обратил внимание на санитара, тот уже стоял рядом, спрятав одну руку в карман, а другой постукивая по кончику носа.

- Почему ты всегда в перчатках? - с искренним любопытством поинтересовался Дмитрук.

- Так перчатки на вес золота, не выгодно каждый раз менять. К Мухину?

При упоминании врача у следователя пальцы ног поджались.

- Нет, не сегодня.

- Бесит он, да? Можешь не отвечать, сам знаю, что тот ещё хрен занудный.

Даже тот факт, что санитар не блистал манерами, да и вообще ничем положительным, вызывал в Дмитруке симпатию. Он оказался самым приятным собеседником в этой дыре.

- Как моя Пашкевич?

Санитар расплылся в широкой улыбке, при которой кривой прикус и кривой ряд зубов сияли.

- Твоя Пашкевич? - он чуть наклонил голову, делая се-

кундную паузу. - Сегодня она блистает, как никогда. В общей комнате Пашкевич - реальная Пашкевич - играла в шахматы с каким-то дятлом, был скучный день, а после - бах! - головой в стол. Минуту нашатырь в нос совали, а когда пришла в себя, начался полный... абсурд. Довела дятла до истерики, полкомнаты на уши подняла, а потом под шумок вышла подышать. Ещё час искали по территории, пока с дерева не сняли.

- Пашкевич не в себе ещё?

Санитар закивал:

- Закрыли в президентском, чтобы поутихла.

- Вот удача.

- Ну, как сказать, - санитар повёл Дмитрука к палате. - Она же не говорит, писать не может, концентрация на нуле. Бесплезное дело, но оно твоё. Тебе за это платят.

- За психов не платят, - усмехнулся Дмитрук.

- Точно, - открыл перед следователем дверь. - За них платят мне, - и подмигнул, пропуская его внутрь.

Пашкевич сидела на подоконнике, еле уместаясь, но упорно заползала обратно. Дмитрук поставил дипломат на пол у стола, рукой указал на стул напротив себя. Но в ответ получил глупую улыбку и поднятую руку в знак приветствия. Следователь застыл, глядя на ноги девушки, что качались взад-вперёд, бились пятками о стену. Он впервые видел ее босой.

- Сядь, - мягко попросил Дмитрук, - составь мне компа-

нию.

Девушка тут же отозвалась и села напротив, подперев подбородок руками. В этом положении, когда кулаки поднимали щёки к глазам, а улыбка не спадала с лица, она казалась милой.

Тряхнув головой, Дмитрук тоже чуть наклонился к девушке.

- Я снова покажу тебе фотографии с места преступления. В этот раз хочу получить хоть какой-то ответ.

В тот раз, когда он допрашивал её в тюрьме, она сидела каменным изваянием и никак не реагировала на вопросы. Но в этот раз пожала плечами. Дмитрук расценил это как добрый знак.

Он выудил из дипломата несколько фотографий. На первой было пустое место преступления.

- Помнишь это место?

Бросив косой взгляд на фото, она кивнула.

Следователь был готов ссать кипятком от радости.

- Помнишь, что тогда произошло в той комнате?

Скосив взгляд в сторону, девушка потеряла улыбку. Но её тяжёлый вздох показался следователю ответом.

- А здесь узнаёшь мужчину?

На этот раз на стол легла фотография с телом мужчины, лежащим на кровати.

Хватило секунды, чтобы Пашкевич в страхе хлопнула ладонью по фотографии, закрывая её. Глаза размером с блю-

да смотрели в глаза Дмитрука.

- Узнаёшь его? - повторил вопрос. - Ответь мне, пожалуйста.

Закрыв рот и, посасывая нижнюю губу не самым соблазнительным образом, Пашкевич кивает.

На секунду Дмитрук прикрывает глаза. В этот миг он переживал прилив эйфории во всех возможных измерениях.

- А это помнишь?

На стол легла фотография, на которой видны труп мужчины и лежащая на полу Пашкевич.

Забыв о трупе, девушка стучит пальцем по себе на фотографии, чтобы после ткнуть себя в грудь пальцем.

- Верно, это ты. Но мне очень нужно знать, как ты там оказалась. Мне нужна правда, чтобы я мог помочь тебе.

И забыть об этом дерьме, - но этого он вслух не сказал.

Девушка кончиком пальца пододвигает к себе фотографию. Долго всматривается, водит по ней, голова качается из стороны в сторону. Глаза поднимаются на Дмитрука, который застыл в ожидании. Они долго смотрят друг на друга, пока до ушей следователя не доносится скрежет ногтя, царапающего фотографию.

В мгновение ока милая Пашкевич превращается в фурию, что швыряет фотографии в Дмитрука, сопровождая диким, испуганным взглядом каждое движение.

- Тише! - просит Дмитрук. - Забудь всё! Больше не будет фотографий, ничего не будет!

Девушка понимает. С грохотом садится на стул, руки складывает на груди, а частое дыхание замедляется до спокойного.

Собрав фотографии, Дмитрук торопливо спрятал их в дипломат и замолчал. Он был прикован к Пашкевич, которая, казалось, забыла о его присутствии, устремив взгляд в стену. Он привык видеть в глазах людей мысль, осмысленность, даже если они смотрели в пустоту. Но в глазах этой Пашкевич не было ничего, лишь безмятежность младенца, познающего мир.

- Инна, - позвал Дмитрук, но безрезультатно. - Инна!

Он мог бы крикнуть, но знал, что она не услышит. В голове всплыли слова Мухина о второй личности, о её собственном имени. Он не верил в её болезнь, но решил играть по её правилам. Когда-нибудь Пашкевич расколется, и он будет рядом. Стукнув по столу, он добился внимания.

- Я всё ещё здесь, - напомнил Дмитрук.

Пашкевич, казалось, и не вспоминала о нём. Она изучала его снизу вверх, ковыряя пальцами рот.

- Даже не знаю, что говорить. Это ведь бессмысленно, верно?

Следователю хотелось сорваться с места и сбежать из этого места, осознавая тщетность своих попыток.

Но Пашкевич сделала нечто, что заставило его вжаться в стул. Тонкими пальцами она растегнула две верхние пуговицы пепельно-синей пижамы, не отрывая взгляда от Дмит-

рука. Опустив руку за воротник, приподняла одну грудь.

Дмитрук напрягся, а когда обнажённая грудь предстала перед его глазами, во рту пересохло. Вот она наклонила голову, не отводя ясных глаз, высунула язык и облизала грудь, коснувшись кончиком соска, и он потерял способность глотать.

Дмитрук следил за каждым движением, за блеском слюны, за широкой улыбкой, за глазами, не в силах оторваться. Чёрт возьми, он должен был уйти, но лишь сидел, чувствуя, как брюки сдавливают в паху.

Грудь скрылась за пижамой, а пальцы отправились в рот, беспорядочно цепляясь за язык и зубы.

«Нужно встать и уйти», - подумал он, но сглотнул и, сам того не осознавая, наклонился к столу. Он пристально следил за скольжением языка по пальцам, замечая мельчайшие детали. Он даже видел чёрные точки на жевательных зубах, но ведь это такая мелочь.

Идиллия, приятное напряжение и томительное молчание, которое охватило Дмитрука, прервалось стуком. Вошёл санитар с пластиковым стаканчиком.

- Давай, детка, вынь руки изо рта и скушай витаминки.

Она отвернулась и сложила руки на груди, демонстрируя детское упрямство.

- Ты же знаешь, я дважды просить не буду, - чётко произнёс Андрей. Не дождавшись ответа, он схватил её за подбородок и поднял лицо.

Надавив на скулы, он заставил Пашкевич пискнуть, но рот открылся. Он быстро затолкал таблетки, зажал ей нос и надавил на горло. Дождавшись, когда она трижды громко сглотнула, отпустил. В ответ Пашкевич ударила его по руке, но Андрей лишь похлопал её по голове.

- Хорошая девочка. - Повернувшись к Дмитруку, он добавил: - Она сейчас вырубится. Останешься?

Остаться? Неужели он не видел, что происходило? И уж точно не думал, что Дмитруку нужно оставаться?

Следователь ушёл вслед за санитаром, лишь раз обернувшись. Девушка улыбнулась и помахала.

По коридору к выходу из главного корпуса шли молча. Дмитрук, разумеется, прокручивал в голове образ Пашкевич и её нимфоманское поведение. О чём думал санитар оставалось загадкой.

На улице Андрей закурил. Следователь остановился, изучая теперь его. Этот парнишка излучал полное безразличие.

- Ты их ненавидишь? - спросил Дмитрук.

- Кого? Психов, что ли? - выпуская дым, спросил санитар.

- Если бы мог, убил бы... А так приходится терпеть их рожи.

Усмехнувшись, следователь покачал головой.

- Так почему работаешь здесь?

- Здесь платят намного больше, чем в обычной больничке, и работы меньше. Плюс, свежий воздух, бесплатная кормежка и койка. Считаю, как в лагере отдохнул.

Дмитрук убедился: он не ошибся на счёт этого парня -

полной пофигизм.

Глава 8

За хилыми штахетами покосившейся ограды, в полумраке барака, тлел тусклый свет от печи. Яна запихивала в раскалённую печь найденные на улице куски досок, обломки забора, попутно грея обледеневшие руки. На улице осень, и хотя холод не был суровым, Яна мёрзла всегда, даже под палящим летним солнцем не снимала свою старую зимнюю кофту.

В коридоре, связывающем комнату с кухней, разгоралась буря отцовского гнева и материнской истерики. Яна, привыкшая к этому концерту, не обращала внимания, лишь подкидывала картошку в раскалённые угли.

Внезапный удар сотряс стену, а вслед за ним - крик матери, такой пронзительный, что Яна инстинктивно зажала уши. Скрип дверей, топот ног, и вот мать, словно испуганная птица, влетела на кухню. Прикрывая затылок одной рукой, другую сжав в кулак, она бросала испуганные взгляды по кухне, пока не наткнулась на нож. Теперь быстрее, чем ворвалась, она вновь исчезла, и крик её стал громче.

Яна, забыв о страхе, ворочала кочергой картошку на раскалённых углях, спешила поджарить со всех сторон. От нетерпения пальцы ног подрагивали, колени сводило ноющей, тупой болью. Она не собиралась убегать, пока эта «тупая» картошка не будет готова!

За стеной, на половине Громовых, грохотал тяжёлый бас

отца Артёма. Но, в отличие от женского визга в доме Михеевых, там звучал детский, надтреснутый голос самого Артёма. Что-то содрогнулось, ударившись о стену.

Яна сжалась в комок, молясь, чтобы крики и звуки ударов прекратились. Глаза, обожжённые жаром печи, слезились, но она не моргала, боясь погрузиться во тьму и упустить момент, когда родители вспомнят о ней.

Наконец, перевернув картошку на другую сторону, она заползла под стол на четвереньках, из-под которого виднелся коридор. Нож валялся на полу. Мать, сжавшись в углу, прикрывала лицо руками, пока отец обрушивал на неё потоки ударов. Когда его гнев иссяк, мать ожила, вновь схватив нож.

- Ещё раз! - тихий, сводящий с ума голос отца прозвучал, - Ещё раз возьми нож, и зарежу!

Предупреждение не подействовало. Мать, в своём жалком положении, ринулась на отца. Нож был выбит, а мать получила очередную оплеуху. Драка, как выяснилось, началась из-за бутылки водки, которую отец осушил в одиночестве, оставив мать, только что проснувшуюся, ни с чем.

Отец, спокойно накинув куртку, вышел на улицу, даже не хлопнув дверью. Но мать, сплюнув кровь, заметила пристальный взгляд дочери из-под стола.

- Ах ты дрянь! - прошипела она, обнажив окровавленные зубы, - Ни слезинки не пролила... Матери не жалко?!

Нож полетел в сторону Яны, но пролетел мимо, ударившись о стену.

- Сюда иди, - сказала мать, - помоги матери подняться.

Яна не хотела, но послушайся она - и это грозило ещё большими неприятностями. Быстро выбравшись из-под стола, она протянула руку.

- Почему за мать не заступилась? - мать отбила протянутую руку, словно таракана. От неё несло перегаром, а опухшее лицо, даже без синяков и крови, наводило ужас. Яна молчала.

- На стороне отца, да? На мать плевать, пусть хоть сдохнет, будешь под столом сидеть!

Яна дрожала, но держала руку, протянутую к ней. Нет, она не жалела эту женщину, она боялась её, как огня. Отец пугал её меньше, чем она...

- Пошла вон! - заорала мать и, отвесив Яне пощёчину, сбила её с ног. - чтоб глаза не видели!

Молниеносно, голыми руками, Яна достала картошку из печи, натянула край кофты, сделав подобие мешка, и, бросив всё туда, убежала.

В соседнем доме крики тоже стихли. Но Артём не выходил. Яна, перекатывая картошку из стороны в сторону, размышляла. Пришлось ей, собрав последние силы, подойти к двери соседнего дома и приподнять клямку. В прихожей царил кромешный мрак, но она помнила наизусть каждый шаг. Двери скрипели, клямки стучали, но она старалась не дышать.

Проникнув в дом, она сразу наткнулась на Артёма, сидев-

шего на полу, спрятав лицо между колен. Из соседней комнаты доносились голоса. Сердце бешено колотилось, горло пересохло, но она подошла к Артёму, осторожно приподнимая его голову. Разбитая бровь кровоточила, заливая глаз, половина лица опухла и покраснела, на худых руках расцвели следы пальцев.

На дрожащих ногах Яна помогла Артёму подняться и, взвалив его на плечо, вытащила во двор. Теперь она не обращала внимания на скрип дверей, главное - бежать.

Они уселись под покосившимся сараем. Яна чистила картошку, дула на неё и осторожно клала в рот Артёму. Рана на брови была залеплена облизанным подорожником. С каждым кусочком Артём оживал, пока не нашёл силы на улыбку Яне. В ответ он получил ещё более радостную улыбку.

ГЛАВА 9

Глава 9

РАНЕЕ

Григорий Зайцев жил один в двухкомнатной квартире. Каждый день он возвращался в пустую квартиру, вешал пиджак на спинку стула, курил у окна на кухне, запивая вкус сигарет на языке остывшим утренним кофе. Затем разогревал в микроволновке еду, которую готовил на неделю вперёд по выходным. У него был собственный распорядок дня и одинокий стиль жизни. Этот стиль появился семь лет назад, когда его супруга умерла после долгих и мучительных лет борьбы с онкологией. Их дочь, единственный ребёнок и память о покойной жене, выросла и в этом году поступила в университет за множество километров от их дома. Но Зайцев был мужчиной собранным, спокойным, возможно, даже флегматиком, поэтому умел жить в одиночестве.

Этим вечером Зайцев вернулся домой, как обычно, поздно. Не включая свет в прихожей, он снял обувь и поставил на полку в банкетке. Затем двинулся в комнату, чтобы повесить пиджак на спинку стула. Зная квартиру наизусть, он не включал свет. Но чутье заставило его остановиться в дверях комнаты. Он огляделся: в свете улицы видел многое, но недостаточно, чтобы остановить озноб на коже.

- Присядь, - пригласил голос из угла.

Рука медленно потянулась к кобуре, но не успел он её кос-

нуться, как загорелась настенная лампа. Свет упал на угол с журнальным столиком и кресло, в котором часто читал Зайцев. На этот раз там сидел мужчина, чьё лицо было скрыто маской. Руки лежали на коленях, в одной из них, увитой уродливым шрамом, он держал пистолет.

Зайцев сжал губы, снял пиджак, повесил на спинку стула и сам сел. Под весом мужчины стул скрипнул. Этот скрип соответствовал атмосфере в комнате.

- Чем обязан?

Два спокойных с виду мужчины были готовы вести переговоры.

- У меня к вам небольшая просьба, которая вам ничего не будет стоить. Сразу прошу отбросить погоню, именно они причина моего появления.

Зайцев сразу смекнул, в чем дело, и заметно расслабился.

- Не получится, я не стану пользоваться своим положением и идти против...

- Срань господня, оставь этот бред! - раздраженно махнул головой незнакомец. - Не хочу хвастаться, но я уже убивал женщин, убить какую-то студентку первого курса - это дело времени.

Пришлось Зайцеву снова напрячься, чтобы спокойно сидеть на стуле.

- Так чего ты хочешь?

Незнакомец подался вперёд, удерживая пистолет на коленях.

- Чтобы дело Пашкевич возобновили.

Зайцев отвёл глаза на секунду.

- В самом деле? Это всё, ради чего ты заявился в мой дом?

Усмешку незнакомца Зайцев услышал отчётливо. Просто-та этого психа, его расслабленность - всё это говорило Зайцеву, что перед ним сидит настоящий психопат.

- Самое главное, чтобы вёл его Дмитрук. И личная просьба, очередная: не вмешиваться в его расследование. Абсолютно не трогать этого парнишку.

Зайцев не видел лица, только приглушенный голос, однако это не помешало ему сделать правильный вывод:

- Это месть?

- Очень личная, не скажу что кровная, но вы, как мужчина взрослый, должны понять, что такой молокосос, как я, положил жизнь на это.

Незнакомец поднялся, пистолет в руке блестел, но Зайцев смотрел не на оружие, а на маску.

- Если я выполню твою просьбу...

- Мне плевать на твою дочь, но нет желания убивать человека просто так, - он остановился в дверях, спиной к Зайцеву. - Поэтому прошу: выполни мою просьбу.

Зайцев мог достать пистолет и выстрелить в спину. Но нет, он не станет этого делать по соображениям собственной совести.

Дверь захлопнулась. Зайцев ещё сидел на стуле, смотря на кресло. Он ударил себя по коленям и пошёл на кухню допи-

вать остывший кофе.

Глава 10

Димитрук недолго ломал голову над поведением Пашкевич, даже если оно ему нравилось. Его никто не заставлял зависеть над этим делом, ведь город пестрел другими убийствами. На этот раз в мусорном баке обнаружили три мусорных пакета по сто литров. В них нашли конечности женщин, и после прибытия экспертов выяснилось: из них можно собрать одну, вполне себе целую, женщину.

Дело раскрылось в первые сорок восемь часов, по всем канонам жанра. Убийцей оказался сожитель женщины, который даже не пытался скрываться. Он убил, расчленил, а вечером вынес пакеты в мусор в два захода. Вернувшись, вымыл квартиру, выпил рюмку для успокоения и лег спать.

После крепкого сна пришлось выйти в свет, то есть на работу. Вернулся он с оперативниками. Спокойно объяснил ситуацию служивым, признал вину без пристрастных допросов и тихо отбыл в суд.

Это было лёгкое дело, одно из многих, поэтому с ним Димитрук справился на ура. Но когда азарт погони спал, и ему пришлось возвращаться домой, на этот раз без мимолетной встречи с девушками, по дороге он снова вспомнил Пашкевич. Лицо его тут же скорчилось в гримасе. Он не хотел думать о ней, и ему не нравились эти мысли. Вспоминал он не грудь, а только глаза. И это, почему-то, тревожило его боль-

ше всего.

Поднявшись на пятый этаж, вошёл в квартиру, где его никто не встретил. Он слышал шум на кухне, видел полоску света из-под двери сына. Но ни единая душа не отозвалась ему. Первая мысль - крикнуть «Я дома!» - тут же растворилась.

Бросил дипломат на пол, прошёл по коридору на кухню. Лиза готовила.

Дмитрук Елизавета Иосифовна - на редкость красивая женщина. Из тех, кому стоит умыться тёплой водичкой поутру и улыбаться всему свету, освещая его своей броской красотой. Чёрные волосы настолько густые, что собирались в толстую косу, которую и ладонью не обхватить. Брови имели харизматичный изгиб, а глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, завораживали, особенно лисий огонёк в зелёной радужке.

Особенной красоты ей добавляли синяки на руках, чуть выше предплечий, и осторожность, с которой она двигалась по кухне. Ведь из-за гематом на туловище она не могла поднять ничего тяжелее стакана с водой.

Даже будучи загнанной в угол бытового насилия, она оставалась по-прежнему красива. Эта красота резала глаза Дмитруку: он ненавидел её изящную фигуру, тонкие запястья, ровный тон кожи лица и даже яркие, пухлые губы. Он ненавидел всё, вплоть до низкого, бархатного голоса.

Ненавидел, что даже с синяками она оставалась по-преж-

нему красивой. Но любил огонёк ненависти, который загорался каждый раз, когда она видела мужа.

Лиза краем глаза следила за Димой, который налил стакан воды, прищурено наблюдая за ней. По смуглой коже пробежали болезненные мурашки. Она понимала, к чему ведёт этот взгляд, это прищуренное внимание, это сканирование глазами с ног до головы. Знала настолько хорошо, что рука с ножом сжалась сильнее.

- Как прошёл день? - спросил Дима.

- Сходила на родительское собрание, - спокойно отвечает, чтобы не выдать сердца, которое колотилось о ребра. - Классная сказала, что у Миши талант к точным наукам. Молниеносно умножает в голове двузначные числа, на трехзначные уходит чуть больше времени.

Лицо Димы скрасила лёгкая улыбка - это был признак гордости за сына.

- Молодец пацан, - с лёгкостью произнёс.

Этой лёгкости Лиза не наблюдала в свой адрес больше пяти лет. И радовалась, что сына он не трогал даже кончиком пальца.

- Не спросишь, как мой день? - вдруг спросил он.

Но Лиза прекрасно понимала, что этот взгляд до разговора означал: скоро она будет кричать. Поэтому ответила со всей дерзостью:

- Тебе интересно знать, как прошёл МОЙ день?

Рука с ножом застыла, Дима сжал стакан в руке до просту-

пающих вен. Но вместо злобной гримасы на его лице появилась усмешка. Он покачал головой, будто пытался вытряхнуть мысли из головы.

- Тебе так плевать на мой день, что ты даже не удосужишься поговорить со мной. Но если тебе это нужно, пусть я знаю, что ты не станешь делиться со мной - спрошу: как прошёл твой день?

Стакан тихо поставлен на столешницу, только звук кипящей воды на кухне. Как бы он ни хотел этого признать, но действительно не собирался отвечать на этот вопрос. Так зачем, спрашивал он себя, ему это?

Дима поднял лицо к потолку, но успел осознать. Когда собственные руки рванулись к Лизе, забрали нож и схватили её за волосы. Он держал её так, чтобы видеть лицо, побледневшие губы и зажмуренные до дрожи глаза.

- Ненавижу, - шепчет Дима, не узнавая своего голоса, - как я тебя ненавижу.

Уставшая от этого за многие годы, Лиза распахнула глаза и с вызовом смертника смотрит в глаза мужа. Она не дрожала от страха, кроме сердца, но перемена в лице мужа не скрылась от ее глаз.

Гневное, даже бешеное лицо Димы сменилось на растерянное, испуганное. Рот приоткрылся, выдыхая горячий воздух в лицо Лизы. Быстро заморгав, Дима ослабил хватку на волосах и отступил назад. Мгновение, которым была обескуражена даже жена, исчезло вслед за мужем, вылетевшим

из кухни.

Дмитрук заперся в ванной и ледяной водой плеснул в лицо раз, другой, пока разум не прояснился. А после разглядывал собственные глаза в отражении и не мог понять, почему, глядя в лицо жены, видел глаза Пашкевич. Те самые, которые сияли так призывно и... ласково?

- Ты совсем ебанулся, - шепчет он отражению.

Но чем больше он убеждал себя в том, что это мелочь, последствие частых встреч, мыслей о деле, тем больше он осознавал - это всё бред.

Дмитрук закрывает глаза, и видит Пашкевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.